Ki4 9/211

К 14 9/211

Ф. Л. Ушаковъ.

ПРИЧИНЫ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
въ XVI и XVII в.в.
и отраженіе его на Псковъ.

ИЗЪ ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦІИ ПРОФЕССОРА С. Ѳ. ПЛАТОНОВА, ЧИТАННОЙ ВЪ Г. ПСКОВѢ 19-го МАРТА 1900 ГОДА ВЪ ПОЛЬЗУ ПСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

2826

ПСКОВЪ.
Изданіе Псковскаго Археологич. Общества.
1900.

К 14 9/211

Ф. А. Ушаковъ.

ПРИЧИНЫ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
въ XVI и XVII в.в.
и отраженіе его на Псковъ.

ИЗЪ ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦІИ ПРОФЕССОРА С. Ѳ. ПЛАТОНОВА, ЧИТАННОЙ ВЪ Г. ПСКОВѢ 19-го МАРТА 1900 ГОДА ВЪ ПОЛЬЗУ ПСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ПСКОВЪ.
Изданіе Псковскаго Археологич. Общества.
1900.

Дозвол. цензурою. С.-Петерб., 5 іюня 1900 г.

ПСКОВЪ.
Типографія Товарищ. «Трудъ и Знаніе.»
1900.

Отъ Составителя.

Очень извиняясь передъ профессоромъ С. Ѳ. Платоновымъ, что мѣстами не совсѣмъ точно возстановилъ его блестящую лекцію, которая привела въ полный восторгъ многочисленную аудиторію слушателей мастерскимъ изложеніемъ предмета, приношу глубокую ему благодарность за разрѣшеніе печатать эту лекцію.

Ф. А. Ушаковъ.

ВЪ № 21 Псковскаго городскаго листка уже было сообщено о лекціи извѣстнаго профессора С. Ѳ. Платонова, читанной имъ въ залѣ Псковскаго Дворянскаго Собранія 18-го Марта 1890 года въ пользу Псковскаго Археологическаго Обшества. Эта лекція воочію доказала, какъ велика жажда провинціаловъ услышать о прошлыхъ судьбахъ населяемаго ими края; четырехъ-сотенная аудиторія слушателей собралась въ этотъ день въ залѣ, чтобы услышать изъ устъ талантливаго профессора и даровитаго лектора исторію Пскова съ 16-го по начало 17-го столѣтія въ связи съ Московскимъ Государствомъ, начавшимъ въ то время слагаться въ единое цѣлое изъ отдѣльныхъ удѣльныхъ Княжествъ.

Первая половина лекціи, составляя какъ бы введеніе, была посвящена общимъ указаніямъ

административнаго и бытоваго строя Московскаго Государства, и перечень тѣхъ земель, которыя входили въ составъ этого вновь возникавшаго государства.

Послѣ краткой характеристики городовъ Поморья, Вятки, Перми, Замосковныхъ, «отъ Нѣмецкой и Литовской украинъ», Заоцкихъ, Рязанскихъ, «Полѣ» и Сѣверы, Низа и Казачества «на дикомъ Полѣ» лекторъ заявилъ, что хотя земли Московскаго Государства въ исходѣ XVI-го вѣка и отличались значительнымъ разнообразіемъ географическихъ свойствъ и бытовыхъ особенностей, но Московскіе люди того времени объединяли этотъ, по видимому сложный, составъ довольно обычнымъ выраженіемъ, «всѣ Государства Россійскаго Царствія», выраженіемъ, которое, по мнѣнію профессора, очень точно соотвѣтствовало дѣйствительнымъ представленіямъ Московскихъ людей.

Свѣжесть историческихъ воспоминаній блекла отъ времени, а житейскія особенности того или

другаго края выяснялись все сильнѣе, поэтому въ XVI-мъ вѣкѣ, вмѣсто государствъ удѣльной эпохи, привыкли различать въ составѣ Московскаго государства иного рода районы: Старую удѣльную Москву и Замосковскіе города, считавшіеся таковыми со стороны сѣверной, южной и юго-западной границъ Московскаго Государства.

Въ противуположность этимъ старѣйшимъ городамъ Россіи, на сѣверо-западѣ ея находились завоеванные Москвою города «отъ нѣмецкой украины», къ числу которыхъ относились Новгородъ и Псковъ съ ихъ пригородами.

Дѣлая характеристику городовъ Россіи XVI-го вѣка, профессоръ пришелъ къ слѣдующему выводу: въ Поморьѣ всѣ города имѣли одинаковый складъ и одинаковое значеніе: на сѣверѣ городъ являлся центромъ и руководителемъ хозяйственнаго труда въ своемъ районѣ и былъ тѣсно связанъ своею жизнью съ жизнью области. Онъ торговалъ тѣмъ, что производила и добы-

вала область, и тѣмъ еще, въ чемъ она нуждалась и что городъ пріобрѣталъ для нея съ постороннихъ рынковъ. Городъ былъ посредникомъ между уѣздомъ и остальнымъ міромъ. Эта взаимность городскаго и сельскаго населенія на сѣверѣ закрѣплялась и единствомъ земскаго самоуправленія, соединявшимъ городъ съ уѣздомъ въ одну тяглую общину. Если однородность городскаго и сельскаго населенія нарушалась водвореніемъ среди него служилаго сословія, т. е. гарнизона, то повидимому это не могло имѣть сильнаго вліянія, такъ какъ гарнизоны составлялись преимущественно изъ «приборныхъ» людей, т. е. взятыхъ изъ той же тяглой среды.

Входя въ городской торгъ, участвуя въ промыслахъ, служилый людъ несъ всѣ тяготы и повинности совершенно въ одинаковой степени съ окружавшими его тяглыми людьми.

Въ Замосковскихъ городахъ подобной однородности и цѣльности не замѣчается. Устройство Замосковскаго города въ XVI-мъ

вѣкѣ сложнѣе: рядомъ съ посадомъ стоятъ владѣнія дворцовыя, частныя, боярскія, монастырскія, слободскія, существующія совершенно отдѣльно отъ посада, предназначенныя иногда для спеціальныхъ занятій, съ отдѣльнымъ оброкомъ на Государя, а иногда и избавленные отъ всякаго оброка.

Одна изъ писцовыхъ книгъ Можайска указываетъ, что нѣкоторыя улицы дворцовыхъ слободъ объединились съ посадомъ и стали его улицами, а другія еще «съ черными людьми тягла не тянутъ опричь городоваго дѣла». Только въ XVII-мъ вѣкѣ посаду удалось присоединить бѣломѣстную слободу и включить ее въ общій тягловый порядокъ. Какъ и въ Поморскихъ городахъ, среди тяглаго населенія находились въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ и люди служилые. Они были близки къ посадскимъ и по занятіямъ и по происхожденію: они были дворяне и дѣти боярскія—помѣщики и вотчинники. Служилые люди жили и въ уѣздѣ, являясь въ городѣ въ осадное время и на этотъ случай имѣли

въ городахъ осадные дворы, которые въ обыкновенное время бывали пустыми. За цѣлостію дворовъ наблюдали дворники, уполномоченные на это хозяевами. Этими дворниками бывали: крестьяне, служилые, посадскіе люди, «приходцы», монахи и женщины.

Составляя особенность Замосковскихъ городовъ, дворники представляли собою такое народонаселеніе города и посада, которое иногда не имѣло никакой связи съ тягловымъ поселеніемъ и могло легко уходить въ уѣздъ.

Коснувшись городовъ «отъ нѣмецкой украины», Профессоръ далъ имъ слѣдующую характеристику: въ XVI-мъ вѣкѣ Новгородская земля пережила уже много общественныхъ перемѣнъ и потрясеній. Вѣковые порядки самостоятельнаго Новгорода были сломлены Московскимъ завоеваніемъ, направленнымъ на высшіе и богатѣйшіе классы общества. Крупное землевладѣніе въ краѣ уничтожилось, какъ и капиталы на Новгородскомъ рынкѣ; затѣмъ и весь старый строй прав-

ленія постепеннымъ рядомъ мѣропріятій былъ передѣланъ для среднихъ и для худыхъ людишекъ на новый Московскій ладъ. Въ разсматриваемый періодъ въ Новгородѣ уже не было тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые могли бы вести его къ отпаденію отъ Московскаго Государства, поэтому никому никогда не приходило въ голову оправдывать разгромъ Новгорода Іоанномъ Грознымъ, какъ дѣйствительную политическую необходимость. Въ то время высшій слой Новгородскаго общества составляли служилые землевладѣльцы Московскаго Государства, замѣнившіе собою сведенныхъ Новгородскихъ бояръ, и мѣстные мелкіе землевладѣльцы, «Земцы», которые превратились въ служилыхъ вотчинниковъ. На этотъ, смѣшанный изъ прищлецовъ и туземцевъ, служилый классъ и опиралась главнымъ образомъ Московская власть, какъ на военную силу и чиновный штатъ для мѣстнаго управленія. Поэтому весьма понятно, что никакихъ признаковъ политическаго бро-

женія или сепаратизма во второй половинѣ XVI-го вѣка въ Новгородскомъ населеніи отыскать невозможно.

Уничтоживъ такимъ образомъ всякую особенность въ Новгородѣ, измѣнивъ соціальный строй этого княжества, Московское вліяніе не коснулось, да и не хотѣло коснуться основъ народнаго хозяйства и экономическаго устройства этого завоеваннаго края. Подъ давленіемъ политики измѣнилась организація хозяйственнаго труда, но не мѣнялись его орудія; измѣнились формы и размѣры торга, но не нарушилось для края торговое движеніе.

Новгородское населеніе жило на счетъ торговаго движенія, передававшаго заморскіе товары на русскій востокъ и сѣверъ и русскіе товары на Балтійское поморье. Указавъ, что въ силу этихъ причинъ изученіе торговыхъ путей, при знакомствѣ съ Новгородской жизнью, должно стоять на первомъ планѣ, Профессоръ въ краткихъ словахъ коснулся вопроса о путяхъ.

Поселки городскаго типа въ Деревской и Водской пятинахъ, не крупные по размѣрамъ, замѣняли собою города и носили названіе «рядковъ» и «посадовъ». Если рядки и посады XVI-го вѣка были мелкими поселеніями, нельзя того же сказать о большихъ центрахъ, какъ напримѣръ Новгородъ, Псковъ, Старая Русса и пр. Такъ мы знаемъ, что лѣтописецъ Псковскій въ 1510 г., разсказывая о безкровномъ завоеваніи Пскова Великимъ Княземъ Московскимъ Василіемъ III, говоритъ, что въ одномъ Застѣньѣ (т. е. въ стѣнахъ Пскова безъ посадовъ) было 6500 дворовъ, въ Новгородѣ въ 1543 г. насчитывалось 5300 дворовъ; въ Старой Руссѣ 1473 дома и т. д. Такимъ образомъ въ XVI-мъ вѣкѣ Новгородская земля, густо населенная въ 2-хъ главныхъ ея центрахъ Новгородѣ и Старой Руссѣ, отличалась неравномѣрностью въ распредѣленіи народонаселенія въ прочихъ пунктахъ. Поэтому и торговля въ краѣ сосредоточивалась главнымъ образомъ въ Новгородѣ и на яр-

маркахъ по торговымъ путямъ, а въ остальныхъ пунктахъ она не выходила изъ зачаточнаго состоянія.

Совершенно подобную же картину представлялъ и Псковъ. Не смотря на выдержанную имъ въ концѣ XVI-го вѣка осаду Баторія, городъ этотъ сохранилъ свое поселеніе и торгъ и быстро оправился отъ бѣдствій войны. Нѣмецъ Кихель, видѣвшій Псковъ въ 80-хъ годахъ XVI-го вѣка, говоритъ, что, благодаря Ливонской войнѣ, въ Псковъ перешла торговля изъ Нарвы. Въ этомъ обстоятельствѣ и лежитъ повидимому главная причина благоденствія Пскова. Потерявъ Луговой путь, Новгородская торговля усиленно пользовалась Шелонскимъ и Псковъ, бывшій во всѣ времена посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ Новгорода съ Рижскимъ заливомъ, только выигрываетъ. Въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго Псковскій торгъ заключалъ въ себѣ, кромѣ гостинныхъ дворовъ, до 1300 торговыхъ помѣщеній въ самомъ городѣ, не считая не большаго числа лавокъ на Заве-

личьѣ; изъ этого числа 80% торговыхъ заведеній принадлежали тяглымъ людямъ, 200 лавокъ церквамъ и духовенству и 48 лавокъ ратнымъ людямъ. Эти данныя ярко рисуютъ размѣры Псковской посадской общины и въ тоже время указываютъ на ея цѣлость и крѣпость въ исходѣ XVI-го столѣтія. Въ то время, когда въ ближайшихъ къ Пскову городахъ тяглые люди уступили служилымъ и свои дворовыя мѣста и свой торгъ, во Псковѣ тяглый людъ былъ многочисленъ и силенъ; онъ удерживалъ въ своихъ рукахъ Псковскую торговлю, перенося съ достойнымъ мужествомъ не только военныя невзгоды, но и всѣ бѣды смутной эпохи вплоть до междоусобій въ самыхъ городскихъ стѣнахъ Пскова. Такимъ образомъ, какъ Новгородъ, благодаря бытовому устройству и географическимъ особенностямъ его положенія, сдѣлался единственнымъ центромъ и вершителемъ торговыхъ судебъ края, причемъ во времена Ливонскоіі войны всѣ пятины его обезлюдѣли, такъ

и Псковъ, богатѣя самъ и развивая свой торгъ, благодаря переходу въ него Нарвской торговли, не особенно заботился объ увеличеніи населенія въ своихъ пригородахъ.

Эти пригороды, представляя собою крѣпости, никогда не имѣли большаго значенія въ Псковской области, отличались малой населенностью и составляли передовыя укрѣпленія на границахъ Ливоніи и Литвы. Изъ 14 пригородовъ, о которыхъ имѣется свидѣтельство въ XVI-мъ вѣкѣ, только четыре имѣли болѣе или менѣе значительные посады: въ Опочкѣ было 180 черныхъ дворовъ, въ Островѣ—204, въ Гдовѣ — 290, въ Вороничѣ — 371 дворъ. Ливонская война, сопособствовавшая благоденствію Псковскаго торга, а слѣдовательно и благосостоянію самаго города, гибельно отразилась на пригородахъ. Тяглое населеніе пригородскихъ посадовъ покинуло свои земли и уступило насиженныя мѣста Московскимъ гарнизонамъ. Посадскихъ людей въ Псковскихъ пригородахъ замѣнили

стрѣльцы, казаки, пушкари и т. д. Но это вновь образованное населеніе не сдѣлало пригородовъ болѣе многолюдными. Съ 1585 по 1588 гг. во всѣхъ Псковскихъ пригородахъ всѣхъ состояній людей насчитывалось до 1250 человѣкъ, причемъ цифра ратныхъ людей составляла 890 человѣкъ. Кромѣ того въ пригородахъ разбираемой эпохи показывалось 1686 черныхъ дворовъ посадскихъ, 108 дворовъ церковныхъ и 160 лавокъ—всѣ пустые.

Такъ отразились бѣдствія Ливонской войны на пригородахъ Пскова. Сплошное мирное поселеніе пригородовъ, лишенное всякаго вліянія на жизнь и торговлю Пскова по своей бѣдности и маломочности, смѣнилось здѣсь поселеніемъ военнымъ; оно было тоже бѣдно, но обладало за это военною организаціею, которая помогла ему въ смутную эпоху сыграть замѣтную роль въ Псковскихъ междуусобіяхъ и даже на время взять въ свои руки руководительство Псковомъ въ союзѣ съ мелкими Псковскими людьми. Въ такомъ положеніи застало

смутное время города «отъ Нѣмецкой украины».

Почти въ томъ же положеніи находились города и пригороды такъ называемой «Литовской украины»: Себѣжъ, Заволочье, Опочка, Великія Луки, Торопецъ, Невель, Велижъ, Бѣлая, Красный, Смоленскъ, Доргобужъ, Вязьма, Рославль, которые при частыхъ войнахъ переходили изъ рукъ въ руки и конечно перетерпѣвали какъ отъ чужихъ, такъ и отъ своихъ людей раззореніе. Изъ этой группы городовъ пользовались особеннымъ значеніемъ Смоленскъ и Великія Луки.

Среди Московскихъ крѣпостей, расположенныхъ на Литовской границѣ, обращенной къ Новгороду и Пскову, Великія Луки занимали первое мѣсто. Въ 1563 году эта крѣпость была сборнымъ мѣстомъ Московскихъ войскъ; отсюда начался походъ къ берегамъ З. Двины и здѣсь же онъ былъ законченъ распущеніемъ ратныхъ людей по домамъ. Въ 1580 году король Стефанъ Баторій, занявшій Великія Луки,

вполнѣ оцѣнилъ ихъ важность и, сознавая, что безъ этой крѣпости онъ не могъ бы удержать за собою завоеванную страну, рѣшился возстановить и даже усилить укрѣпленія Великихъ Лукъ. Богатый и населенный городъ сохранилъ свои укрѣпленія, но потерялъ людей, почти поголовно истребленныхъ войсками Баторія.

Послѣ этого разгрома Великія Луки долго не могли оправиться. Въ краткомъ очеркѣ профессоръ изложилъ исторію и значеніе городовъ «отъ Литовской украины» на верховьяхъ Днѣпра и Десны, заоцкихъ городовъ по берегамъ Оки и Жиздры, Рязанскихъ городовъ, направленныхъ противъ Ногайской стороны и указалъ тѣ шляхи и пути, которые связывали эти пункты съ центромъ Россіи, т. е. съ Москвою.

Къ концу XVI столѣтія Московское правительство овладѣло громаднымъ пространствомъ такъ называемаго «Дикаго поля», т. е. землями между Дономъ, верховьями Оки и лѣвыми притоками Днѣпра и Десны. Черезъ это мѣсто

432639

пролегала Нагайская дорога въ Рязань. Правительство Московское, не устраивая здѣсь городовъ, оберегало эти сакмы, т. е. подступы къ Рязани, особыми сторожевыми постами. Въ этихъ то мѣстахъ, на пространствѣ всего «Дикаго поля», развилось впослѣдствіи казачество, изъ которыхъ одни «на полѣ казакуютъ», другіе «у казаковъ въ отоманѣхъ», а третьи «сошли на Донъ безвѣстно». Словомъ, по всей южной границѣ Россіи образовался особый строй ратныхъ людей, охранявшихъ Московское государство отъ нашествій враговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта украина не только заселялась ратными людьми, отъ правительства посылаемыми, но и давала пріютъ обездоленному люду; тамъ ютились тѣ, для кого Московскіе порядки XVI вѣка оказались бѣдственными и невыносимыми. Вся эта масса гуляющаго люда на Московскихъ окраинахъ пребывала въ состояніи полнаго броженія: у казачества не замѣтно ни внѣшнихъ центровъ, ни общей организаціи. Московское правительство не зна-

ло, много ли «людей въ полѣ», какіе это люди и можно ли безопасно ѣхать черезъ «Поле». Все выше сказанное достаточно указываетъ, какъ сложенъ былъ составъ Московскаго государства и какъ разнообразны были по характеру его части. Въ то время, какъ торгово-промышленный сѣверъ, съ значительнымъ развитіемъ крестьянскаго землевладѣнія, съ сильнымъ не только по многолюдству, но и по достатку устройствомъ посадскаго быта, съ почти полнымъ отсутствіемъ служилаго люда въ помѣстьяхъ, процвѣталъ и укрѣплялся, южныя владѣнія Россіи переполнялись служилыми людьми стрѣлецкой сотни, съ полнымъ отсутствіемъ тяглыхъ людей.

Заканчивая на этомъ первую половину своего доклада, профессоръ во второй половинѣ лекціи обѣщалъ познакомить съ тѣми внутренними движеніями въ Московскомъ обществѣ и государствѣ, которыя происходили въ XVI в. и привели государство къ такому явленію, какое получило

въ исторіи нашей названіе смутнаго времени.

Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ тѣми внутренними движеніями въ Московскомъ обществѣ и въ государствѣ, которыя происходили въ XVI вѣкѣ и привели Россію къ серьезному кризису и смутамъ. Можно сказать несомнѣнно, что причины смуты начала XVI вѣка лежали глубоко въ самомъ строѣ Московской жизни, но отнюдь не были, какъ думаютъ нѣкоторые изъ нашихъ историковъ, сюрпризомъ, приготовленнымъ Московскому государству польскими кознями и польской интригой. Правительство Польши могло понять и опѣнить все то, что происходило въ сосѣднемъ государствѣ и извлечь изъ него себѣ пользу, но не могло бы привить здоровому политическому тѣлу заразу междоусобія, не могло бы поднять массы другъ противъ друга, еслибы не было причинъ въ ихъ внутреннемъ бытѣ. Сами Московскіе люди въ лицѣ писателей того времени чувствовали приближеніе смуты,

выражая неясныя опасенія надвигавшихся бѣдъ.

«Бесѣда Валаамскихъ Чудотворцевъ», составленная во 2-й половинѣ XVI вѣка, ясно указываетъ намъ то опасливое настроеніе, которое господствовало въ современномъ обществѣ. Въ пророческихъ предсказаніяхъ говорилось въ ней, что «при послѣднемъ времени» запустѣютъ волости и села «ни кимъ гонимы», «люди начнутъ всяко убивати и земля начнетъ пространнѣе быти, а людей будетъ меньши». Таже мысль о близости потрясеній была высказываема и у князя Курбскаго. «Не пребудутъ долго передъ Богомъ, которые созидаютъ при этомъ беззаконія», писалъ онъ Грозному: онъ угрожалъ царю гибелью со всѣмъ домомъ за то, что царь «пустошитъ землю свою и губитъ подручныхъ всероднѣ». Подобныя указанія были не только въ произведеніяхъ писателей XVI вѣка, но и въ Тарханной грамотѣ, составляющей оффиціальный документъ. Въ этой грамотѣ говори-

лось, что усматривалось «многое запустѣніе за воинскими людьми въ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ», т. е. другими словами правительству выяснялся упомянутый нами выше упадокъ служилыхъ земельныхъ хозяйствъ.

Такимъ образомъ и общество и государство, сознавая, что дѣла идутъ неправильнымъ путемъ, предчувствовали близость развязки и какой то катастрофы. Англичанинъ Флетчеръ, бывшій въ Московскомъ государствѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, успѣлъ не только подмѣтить признаки критическаго положенія дѣлъ въ Москвѣ, но и предсказалъ возможный исходъ изъ этого положенія. Онъ предвидѣлъ во первыхъ прекращеніе съ царемъ Ѳедоромъ прежней династіи и всеобщее возстаніе. Понятно, что и русскіе люди того времени, хорошо зная свои дѣла, ясно представляли себѣ, что государство Московское переживало тяжелый переломъ. Въ чемъ же заключался этотъ переломъ?

Въ основаніи Московскаго го-

сударства были заложены два противорѣчія: одно изъ нихъ, говоря словами профессора Ключевскаго, состояло въ томъ, «что Московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи». Такой порядокъ вещей привелъ къ открытой борьбѣ между государственною властію и родовитымъ дворянствомъ. Второе противорѣчіе было соціальнымъ и состояло въ томъ, что, съ цѣлью лучшаго устройства государственной обороны и подъ давленіемъ военныхъ нуждъ, всѣ интересы тягловыхъ людей и промышленность приносились въ жертву земельному служилому сословію, не принимавшему непосредственнаго участія въ производительной дѣятельности страны. Послѣдствіемъ этихъ двухъ противорѣчій, господствовавшихъ въ государственномъ и общественномъ порядкахъ Россіи XVI вѣка, явилось смутное время. Такъ какъ явленіе это вполнѣ вытекало изъ прошлой жизни госу-

дарства и общества, то лекторъ въ краткихъ чертахъ сдѣлалъ обзоръ предшествующихъ событій изъ эпохи сложенія Московскаго государства и его общественнаго строя.

Въ понятіе власти Московскаго государя входили два признака, одинаково существенныхъ для нея: во первыхъ она была патримоніальной, а во вторыхъ имѣла національный характеръ. Дѣйствительно, происходя изъ удѣльной старины, она была прямою преемницею вотчинныхъ правъ и понятій. Какъ старый удѣлъ былъ наслѣдственною вотчиной князя, такъ и Московское государство считалось полною собственностью царя и великаго князя. Это понятіе переносилось съ Московской земли и на всю Русскую землю, даже и на тѣ ея части, которыя не были въ фактическомъ владѣніи царя, но правительство надѣялось ими владѣть. «Не то одна наша отчина, но и городы и волости нынѣ за нами но и вся Русская земля», говорили про Литву люди Московскіе: «изъ старины, отъ нашихъ пра-

родителей наша отчина». Иванъ Грозный, усвоивъ себѣ этотъ взглядъ, говорилъ: «мы жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя», поэтому Іоаннъ считалъ себя собственникомъ земли, а люди его времени смотрѣли на государство, какъ на домъ или на хозяйство государя.

Въ силу ли прозорливости Московскихъ владѣльцевъ, или же по пробудившемуся сознанію народныхъ массъ, но уже во 2-й половинѣ XV вѣка сложилось понятіе о національности и въ этомъ направленіи сознательно велась политика княжества Московскаго. Его князья со временъ Дмитрія Донскаго, этого героя сверженія ига татарскаго, получили титулъ «Царя Русскаго». Ко времени Грознаго съ титуломъ Царя Русскаго, Московскіе люди связали новое понятіе «Царя Православія». Не мудрено послѣ этого, что во второй половинѣ XVI вѣка Московская власть, въ силу указанныхъ выше причинъ, носила характеръ абсолютный и демократическій.

Рядомъ съ этою властью въ XV и XVI вѣкахъ во главѣ административнаго и соціальнаго порядка находилось Московское боярство. Боярство это было родовою аристократіею, которая притязала на первенствующее положеніе при дворѣ и въ государствѣ именно въ силу своего происхожденія. Но эти притязанія не имѣли въ виду ограничить державную власть или вообще измѣнить государственный порядокъ. Въ свою очередь и власть до половины XVI вѣка не противоставляла ничего опредѣленнаго боярскимъ притязаніямъ, не подавляла ихъ систематично и круто, но вмѣстѣ съ тѣмъ не считала и для себя обязательнымъ ихъ удовлетворять или даже признавать. Неопредѣленность стремленій и взглядовъ вела къ отдѣльнымъ, иногда крупнымъ, недоразумѣніямъ между государемъ и его слугами; но принципіально вопросъ о взаимномъ отношеніи власти и боярства не подымался ни разу до того времени, пока дѣло не разрѣшилось опричниною и казнями Грознаго.

Въ XVI вѣкѣ Московское бо-

ярство состояло изъ двухъ партій: первой, болѣе древней, но не высшей, издревле дававшей изъ своей среды людей придворной службы и дѣятелей государевой думы, и второй партіи, младшей, состоявшей изъ болѣе знатныхъ и высшихъ слугъ, образовавшихся при государѣ изъ потомства владѣтельныхъ удѣльныхъ князей, изъ сѣверо-восточной Руси и изъ за литовскаго рубежа. Понятно, что такое дѣленіе вызвало усиленіе мѣстничества, которое одно могло поддержать извѣстный порядокъ и создать болѣе или менѣе опредѣленныя отношенія среди массы служилаго люда въ новой для него служебной обстановкѣ. Въ XVI вѣкѣ мѣстничество особенно усилилось при дворѣ Московскаго государя, такъ какъ «находцы князья стали признавать дворъ этотъ своимъ отечествомъ». Въ этомъ отечествѣ титулованныя семьи старыхъ удѣльныхъ династій, перешедшія на службу въ Москву, безспорно составляли высшій классъ Московскаго государства. Такъ, по выраженію

царя Василія Шуйскаго, «обыкли большая братія на большія мѣста сѣдати», и этотъ обычай одинаково былъ признаваемъ и государемъ, и боярами, и обществомъ. Рядомъ съ этими князьями держались близко ко двору и тѣ не княжескія семьи, которыя раньше князей оказывали услуги Московской власти, какъ напримѣръ Вельяминовы, Кошкины и др. Но княжата не считали этихъ бояръ равными себѣ по «породѣ», такъ какъ, по ихъ словамъ, тѣ пошли «не отъ великихъ и не отъ удѣльныхъ князей».

Такимъ образомъ въ XVI вѣкѣ Москва сдѣлалась сосредоточеніемъ древнихъ князей. Жить въ ней, чтобы быть совѣтниками государя въ думѣ, предводительствовать войсками, руководить политикой, управлять ея областями и окружать особу государя постояннымъ синклитомъ царскимъ, считалось какъ бы прирожденнымъ правомъ княжескобоярской среды. Съ этихъ поръ Москва сплошь состояла изъ лицъ княжескаго происхожденія, о которыхъ В. О. Ключевскій гово-

ритъ такъ: «то все старинныя привычныя власти Русской земли, тѣ же власти, какія правили землею прежде по удѣламъ; только прежде онѣ правили его по частямъ и по одиночкѣ, а теперь, собравшись въ Москву, онѣ правятъ всею землею и всѣ вмѣстѣ».

Кромѣ родословца государева, въ который по происхожденію своему входили князья и на который опирались для удержанія за собою высокаго положенія при дворѣ, у нихъ былъ и еще другой устой, поддерживавшій ихъ во главѣ общественнаго порядка. Всѣ вообще старые бояре и служилые князья Московской Руси владѣли наслѣдственными земельными имуществами, а новопріѣзжимъ князьямъ жаловались за службу помѣстья, которыя не рѣдко обращались въ вотчины. Владѣя наслѣдственными правами на вотчины или получая ихъ за службу отъ государя, эти княжата землевладѣльцы пользовались еще изъ временъ удѣльной эпохи неограниченнымъ правомъ надъ землями и людьми ихъ вотчинъ. Это право перенесено было и на по-

томство. Считая вотчину своею собственностью, владѣльцы, какъ подтвердилъ лекторъ многими примѣрами, отдавали отъ себя земли монастырямъ, своимъ слугамъ и т. д.

Эти присные государю люди создали въ Москвѣ особый типъ привилегированнаго «боярскаго» землевладѣнія. Тяглый землевладѣлецъ сѣвера, служилый помѣщикъ центра, запада и юга, мелкій вотчиникъ, владѣвшій ею по куплѣ или жалованный за службу, весь этотъ мелкій Московскій людъ стоялъ неизмѣримо ниже землевладѣльца боярина, имѣвшаго въ рукахъ и судъ и дань надъ своими холопами, для которыхъ онъ былъ полновластнымъ «государемъ».

Судя по всему этому, казалось бы, что бояре Московскаго государства были поставлены хорошо въ политическомъ отношеніи: первенство въ администраціи обезпечивалось ихъ происхожденіемъ, а значеніе въ обществѣ достигалось крупнымъ землевладѣніемъ. Но на самомъ дѣлѣ въ

XVI вѣкѣ княжата-бояре далеко не были довольны своимъ положеніемъ. Московскіе государи хотя и признавали безусловно взаимныя отношенія бояръ такъ, какъ это опредѣлялось родословцемъ, но сами себя ничѣмъ не стѣсняли въ отношеніи къ боярамъ, называли ихъ смердами и говорили, что «подъ повелителями и приставниками намъ быти не пригоже». Это высокое мнѣніе Московскихъ государей о существѣ ихъ власти поддерживалось не только ихъ собственнымъ сознаніемъ, но и ученіемъ духовенства.

Одновременно съ потерею политическаго значенія, бояре въ XVI вѣкѣ начали терять и свое землевладѣніе. Войны Ивана Грознаго, требовавшія службы боярской, тяжелымъ гнетомъ ложились на ихъ вотчины, обязанныя ратной повинностью; землевладѣніе раззорялось отъ недостатка рабочихъ рукъ, такъ какъ завоеваніе новыхъ земель открыло рабочимъ новыя мѣста для колонизаціи. Такимъ образомъ этихъ двухъ причинъ было уже вполнѣ

достаточно для того, чтобы въ срединѣ XVI вѣка среди бояръ-князей возникли тревоги и раздраженія.

Эти тревоги и раздраженія бояръ съ одной стороны, и недовѣріе къ боярамъ со стороны Московскихъ государей особенно обострилось во вторую половину царствованія Ивана Грознаго. В. И. Сергѣевичъ думаетъ даже, что Сильвестръ съ «угодниками» провелъ и въ судебникъ ограниченія царской власти.

Если этого нельзя ясно доказать, то вполнѣ можно утверждать, что Ивану Грозному политика бояръ представлялась самымъ рѣшительнымъ покушеніемъ на его власть. Слѣдовательно не одинъ только собственный интересъ, но и заботы о царствѣ, о поколебленномъ принципѣ единовластія заставляли Грознаго и прибѣгнуть къ гоненіямъ на бояръ, вызывавшимъ ихъ отъѣздъ изъ Москвы въ сосѣднія царства и наконецъ къ полному государственному перевороту—къ учрежденію опричины. Затѣмъ въ крат-

кихъ словахъ профессоръ изложилъ взглядъ на опричину. Каковъ былъ смыслъ учрежденія опричины, для чего она была организована, все это составляетъ вопросы, отвѣтъ на которые не даетъ ни одинъ изъ сохранившихся отъ того времени оффиціальныхъ документовъ. Легче всего конечно объяснить себѣ раздѣленіе Россіи на опричину и земщину нелѣпыми причудами робкаго тирана, но врядъ ли можетъ удовлетворить всѣхъ такой взглядъ. С. М. Соловьевъ объясняетъ опричину, какъ попытку Грознаго отдѣлаться отъ боярскаго правительственнаго класса; но устроенный съ такою цѣлью новый дворъ государя выродился въ орудіе террора и исказился въ сыскное отдѣленіе по дѣламъ боярской и всякой измѣны.

Другіе историки говорятъ, что опричина направлялась противъ потомства удѣльныхъ князей и имѣла цѣлью сломить и уничтожить ихъ традиціонныя права и преимущества. Хотя этотъ взглядъ и близокъ къ истинѣ, но не раскрытъ съ желаемою полнотою,

между тѣмъ несомнѣнно, что учрежденіе опричины представляетъ одну изъ главныхъ причинъ, породившихъ явленіе смуты въ Московскомъ государствѣ.

Подлиннаго приказа объ учрежденіи опричины до насъ не дошло, профессоръ полагаетъ, что въ Александро-Невской лѣтописи находится не вполнѣ удачное и вразумительное его сокращеніе. По этой лѣтописи мы получаемъ приблизительное понятіе, что опричина учреждалась, какъ особый государевъ дворъ, отдѣльный отъ стараго Московскаго двора. Въ этомъ новомъ дворѣ назначался новый штатъ разныхъ придворныхъ должностей; на содержаніе двора были взяты города и волости изъ разныхъ мѣстъ Московскаго государства, причемъ объемъ земель этихъ, первоначально незначительный, охватилъ впослѣдствіи большую половину государства. Остальная часть земель, оставшаяся въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ и на прежнихъ основаніяхъ, получила названіе «Земщина».

Съ учрежденіемъ новаго двора Иванъ Грозный перешелъ изъ Кремля на Воздвиженку, приписалъ къ этому двору нѣкоторыя улицы въ самой Москвѣ и дворцовыя волости и села подъ Москвою.

Въ опричину Грозный выбираетъ себѣ тысячу головъ князей и дворянъ и дѣтей боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ и помѣщаетъ ихъ не кругомъ Москвы, а въ замосковныхъ уѣздахъ. Грозный производитъ въ нихъ мѣну земли, удаляя съ нея тѣхъ вотчинниковъ, которые не призывались въ опричину, и даетъ имъ, взамѣнъ взятой, новыя земли въ «иныхъ городѣхъ».

Весьма не многіе изъ удѣльныхъ князей въ концѣ XVI-го вѣка сохранили свои вотчины; большинство перешло на службу въ опричину, старинныя родовыя ихъ земли поступили туда же, поэтому въ названныхъ земляхъ не только измѣнилось правленіе, но и обычай князей приводить съ собою воинства въ нѣсколько тысячъ слугъ долженъ былъ самъ собою уничтожиться.

Послѣ столь коренныхъ преобразованій, конечно, всѣ напоминанія о прежнемъ удѣльномъ порядкѣ были сломаны новыми, въ которыхъ старыя аристократическія традиціи уже не имѣли мѣста. Самъ Иванъ Грозный, въ челобитной своей на имя великаго князя Семеона Бекбулатовича въ 1575 г., весьма наглядно указываетъ намъ обычный для того времени порядокъ пересмотра служилыхъ людей при введеніи опричины. Въ челобитной проситъ Іоаннъ, чтобы Семеонъ «милость показалъ, ослободилъ людишокъ перебрать, бояръ и дворянъ и дѣтей дворянскихъ и дворовыхъ людишокъ; иныхъ бы еси ослободилъ отослать, а иныхъ бы еси пожаловалъ ослободилъ принять... и которые похотятъ къ намъ, и тѣхъ, государь, милость показалъ быти у насъ безплатно и отъ насъ ихъ имати не велѣлъ; а которые отъ насъ поѣдутъ и учнутъ тебѣ, государю, бити челомъ, и тыбъ тѣхъ нашихъ людишокъ, которые учнутъ отъ насъ отходити, пожаловалъ не принималъ».

Кромѣ земель удѣльныхъ князей опричина захватила въ свои руки и тѣ торговые пути, на которыхъ таможенный сборъ представлялъ болѣе или менѣе значительную сумму. Опричина не захватила только Невскаго устья, Нарвы съ Ивангородомъ, Пскова и Великихъ Лукъ.

Такимъ образомъ новый порядокъ, вызванный учрежденіемъ опричины въ 1565 году, охватилъ всѣ внутреннія области Московскаго государства, произвелъ существенныя перемѣны въ служиломъ землевладѣніи этихъ областей, завладѣлъ путями внѣшнихъ сообщеній и почти всѣми важнѣйшими рынками страны и количественно почти сравнялся съ земщиною, если не переросъ ее.

Въ виду всего этого намъ теперь представляется неизбѣжною и непримиримою вражда между земскими и опричными людьми. Это убѣжденіе еще больше утверждаетъ въ насъ вѣра, что Грозный заповѣдывалъ опричникамъ насиловать и убивать земскихъ

людей. А между тѣмъ изъ сохранившихся актовъ и учрежденій не видно, чтобы правительство XVI-го вѣка считало дворовыхъ и земскихъ людей врагами; напротивъ, оно предписывало имъ совмѣстныя и согласныя дѣйствія. Подводя итоги всему сказанному, профессоръ вывелъ слѣдующія заключенія. Послѣ счастливыхъ войнъ въ XVI-мъ вѣкѣ правительство Московское получило въ свое обладаніе массу превосходныхъ новыхъ земель, которыя нужно было укрѣпить и заселить. Для веденія войны и для образованія пограничныхъ милицій Московское Государство было поставлено въ необходимость увеличивать чрезмѣрно численность служилаго сословія. Для обезпеченія этой массы служилаго сословія должна была служить земля и на ней крестьянскій обязательный трудъ. Не имѣя кромѣ земли никакихъ средствъ для содержанія массы войскъ, правительство Московское должно было отдать въ ихъ распоряженіе, особенно на югѣ государства, громадныя площади на-

селенной земли и тѣмъ самымъ разрушить хозяйство тѣхъ податныхъ общинъ, которыя до того сидѣли на этой землѣ. Слѣдствіемъ такого порядка было то, что тяглые люди стали переселяться съ названныхъ земель на новыя завоеванныя.

Въ борьбѣ съ княжескою аристократіею Грозный прибѣгаетъ къ массовому перемѣщенію землевладѣльцевъ съ однихъ земель на другія, чѣмъ ускоряетъ обезлюденье земель и дѣлаетъ его бурнымъ и безпорядочнымъ. Заботясь объ укрѣпленіи границъ, правительство само способствуетъ къ переходу населенія изъ центра на окраины. Медленное выселеніе массы трудоваго люда, едва замѣтное въ началѣ XVI-го вѣка, къ концу царствованія Грознаго принимаетъ размѣры общаго бѣгства. Между хозяевами происходитъ ожесточенная борьба за рабочія руки, доходящая до грубыхъ насилій. Въ этой общей неурядицѣ принимаетъ участіе и духовенство, въ лицѣ тогдашнихъ монастырей. Ссужая бояръ князей деньгами, монастыри дѣ-

лаются обладателями громадныхъ земельныхъ участковъ; привлекаютъ къ себѣ капиталами необходимый рабочій людъ, который покидаетъ мелкихъ собственниковъ и переходитъ на монастырскія земли, пользовавшіяся многими привилегіями. Сложность предпринятаго Грознымъ пересмотра и передвиженія землевладѣльцевъ была причиною того, что отъ операціи пострадали не одни княжата, но и люди простые и далекіе отъ политики. Личная жестокость Грознаго повела къ тому, что это сложное политическое дѣло еще болѣе осложнилось ненужными казнями и пытками.

Въ жалобахъ Курбскаго можно слышать голосъ всей этой среды, къ которой онъ принадлежалъ, т. е. старыхъ княжатъ-бояръ, пострадавшихъ отъ опричины и новыхъ порядковъ, введенныхъ въ Московскомъ государствѣ этимъ учрежденіемъ. Не менѣе боярства страдали отъ опричины и тѣ простые земельные люди, которыхъ передвигали по политическимъ соображеніямъ съ од-

ной земли на другую, не въ государевой опалѣ, а всѣмъ городомъ. Сколько насилій и обидъ, раззореній и потерь связано было съ этимъ передвиженіемъ! На старой землѣ погибло устроенное хозяйство служилаго человѣка; на новой оседлости трудно ему было обжиться и устроиться на пустошахъ безъ крестьянъ, которые или сами разбрелись, или свозились сосѣдями. Страшная задолженность и хозяйственная маломочность служилаго класса находитъ свое объясненіе, между прочимъ, въ этомъ вынужденномъ кочеваніи служилыхъ хозяйствъ. На меньшей братіи, людяхъ зависимыхъ отъ служилыхъ господъ, опричина должна была отразиться столь же тяжело. По давнему Московскому обычаю, при опалѣ конфисковалось не только имущество опальнаго человѣка, но и его крѣпости. Крѣпостные люди опальныхъ бояръ получали свободу, но иногда съ запрещеніемъ поступать въ какой-либо иной дворъ. Эта обездоленная голытьба осуждалась такимъ образомъ на голодное су-

ществованіе и составляла опасный для порядка элементъ въ обществѣ. Въ сѣверныхъ волостяхъ населеніе держалось еще на мѣстахъ, а на югѣ оно стало бродить, уходя изъ государства, съ государева тягла, съ боярскаго двора и съ господской пашни; оно уносило съ родины чувство глубокаго недовольства и вражды къ тому общественному строю, который постепенно лишилъ его земли и свободы.

При такихъ то обстоятельствахъ наступилъ для Московскаго государства кризисъ, именуемый въ исторіи смутнымъ временемъ.

Закончивъ на этомъ изложеніе исторіи тяжелой болѣзни, носившей не мѣстный, а общій характеръ сильнѣйшаго разстройства каждаго отдѣльнаго члена, составлявшаго древнюю Московскую Русь, лекторъ широкою кистью набросалъ картину того ужаснаго положенія, въ которомъ больная Русь очутилась съ Марта 1584 года, т. е. со времени кончины Ивана Грознаго. Едва

только Грозный успѣлъ закрыть глаза, какъ въ кремлѣ, среди людей, состоявшихъ вокругъ царевичей Федора и малютки Дмитрія, возникаетъ боязнь смуты, принимаются мѣры предосторожности и появляется тревога. Люди, стоявшіе во главѣ Московскаго правительства, ясно видѣли, что Россія разлагается и что потомство Грознаго не только не было способно удержать въ своихъ рукахъ власть, но со смертію царевича Ивана Ивановича, должно было угаснуть и все будущее Московскаго царскаго рода.

Какъ извѣстно, по кончинѣ Грознаго остались царевичи Федоръ и Дмитрій. Первый изъ нихъ былъ окруженъ родственниками Захарьиными, Юрьевыми, Мстиславскими, Годуновыми, Романовыми и Шуйскими, а второй— Нагими и Бѣльскимъ. Обѣ группы этихъ бояръ представляли не аристократическій кружокъ, а кругъ приближенныхъ царскихъ родственниковъ и довѣренныхъ лицъ.

Имъ было поручено Грознымъ

охранять его дѣтей, но никто не возлагалъ на нихъ формальной опеки надъ царемъ Федоромъ.

Конечно весь этотъ кружокъ бояръ, составлявшій Боярскую Думу, ясно видѣлъ полную неспособность новаго царя управлять государствомъ и каждый изъ членовъ кружка старался завоевать себѣ первенство при Московскомъ дворѣ. Эта чисто придворная вражда бояръ изъ-за первенства кончилась въ пользу Бориса: сперва за нимъ было признано первенство придворное, какъ за ближайшимъ родственникомъ царя, а потомъ и политическое; онъ сталъ титуловаться «начальнымъ бояриномъ и совѣтникомъ царскаго величества».

Въ 1587 году уже не было опасныхъ соперниковъ Борису: старшіе Мстиславскіе, старшіе Шуйскіе умерли въ ссылкѣ, Никита Романовичъ Юрьевъ — отъ болѣзни, а младшіе роды этихъ бояръ не могли стать наравнѣ съ Борисомъ Годуновымъ.

Тѣмъ не менѣе дальновидный Борисъ не могъ чувствовать себя

спокойно, пока положеніе его у власти не было закрѣплено формально. Въ 1586 году Борисъ черезъ Горсея получилъ отъ Англійской королевы грамоту, въ которой былъ названъ «кровнымъ пріятелемъ» и «княземъ».

Московскій посланникъ Лукьянъ Новосильцевъ, проѣздомъ въ Вѣну, бесѣдовалъ съ Станиславомъ, Архіепископомъ Гнѣзненскимъ, причемъ послѣдній, называя Бориса правителемъ и милостивцемъ великимъ, сравнивалъ его по уму съ Адашевымъ и говорилъ, что Богъ послалъ Москвѣ нынѣ такого «просужаго» человѣка. Эти слова въ отчетѣ посланника должны были дойти до царя и были прочитаны въ Думѣ Боярской. Все это конечно должно было раздражать бояръ противъ Бориса, но явно негодовать на него было невозможно, оставалось лишь тайно ненавидѣть и осуждать царскаго шурина, тѣмъ болѣе, что дѣятельность Бориса, какъ правителя, подкупала въ его пользу и общественное мнѣніе. Послѣ угличской катастрофы Борисъ, признан-

ный соборомъ и народомъ законнымъ государемъ, показалъ себя правителемъ, вполнѣ достойнымъ избранія. Принявъ власть въ свои руки, Борисъ зналъ, что нужно ему дѣлать и о чемъ надлежитъ заботиться.

По согласному мнѣнію современниковъ, Россія подъ владычествомъ Годунова испытала дѣйствительное облегченіе; не только по отзывамъ Русскихъ людей, которыхъ можно было заподозрить въ куреніи ѳиміама, но и иностранцы единогласно отмѣчаютъ, что положеніе Московіи при Борисѣ улучшалось, населеніе успокоивалось и прибывало, упавшая при Грозномъ торговля оживлялась и росла. Страна отдыхала отъ войнъ и жестокостей Грознаго и чувствовала, что правительственный режимъ круто измѣнился къ лучшему. Въ то время, какъ народъ благославлялъ Бориса, старая Московская аристократія далеко не была довольна имъ: Авраамій Палицынъ говоритъ, что «досады» Бориса вонзили стрѣлу гнѣва въ сердца величайшихъ, т. е. бояръ; что

Борисъ «наипаче грабилъ» дома и села бояръ. Посторонніе Москвѣ люди тоже указывали, что въ порубежныхъ и въ иныхъ многихъ городахъ простые люди Бориса жалуютъ, а «тяжело было за Борисомъ боярамъ». Дѣйствительно, Годуновъ далеко не былъ другомъ и сторонникомъ родословной знати, онъ оставилъ въ силѣ и дѣйствіи ту систему Грознаго, которую принято называть въ исторіи опричиной. Флетчеръ говоритъ, что Борисъ старался замѣнить старую знать своею роднею.

Недовольное Борисомъ боярство стало переносить козни свои и интриги изъ государева двора въ народъ. Хотя, какъ и прежде, боярскіе происки не переставали носить чисто династическій характеръ, но сдѣлались уже достояніемъ массы.

Въ Московскомъ обществѣ создалось преданіе, что самъ царь Федоръ приказалъ быти на престолѣ «братаничу своему по матери» Федору Никитичу Романову. Изъ Пскова писали о Мо-

сковскихъ дѣлахъ въ Германію, что Годуновъ воцарился насильно, что вельможи не желали признать Годунова царемъ. Эта смута передалась и въ области: многіе будто бы уклонялись отъ присяги новому царю, въ томъ числѣ и братію Псково-Печерскаго монастыря пришлось приводить ко кресту побудительными мѣрами. Главнымъ орудіемъ агитаціи противъ Бориса была сначала попытка обвинить Годунова въ смерти царевича Дмитрія. Его же винили и въ смерти Ѳедора, но что кажется всего болѣе невѣроятнымъ, такъ это довольно распространенное въ то время мнѣніе, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Польшѣ, что самъ Годуновъ пустилъ въ свѣтъ самозванца.

Такимъ образомъ Борисъ еще не былъ царемъ, а уже въ Московскомъ обществѣ партія недовольныхъ бояръ старалась распускать о немъ ложные слухи. Не мудрено послѣ этого, что при вступленіи на царство, Годуновъ, зная хорошо настроеніе противъ него Московскаго высшаго об-

щества, измѣнилъ текстъ присяги, добавивъ въ концѣ фразу, что всякій, преступившій вѣрность царю Борису, обрекается проклятью. Измѣненіе текста было вызвано условіями воцаренія Бориса и знаніемъ, что не всѣ одинаково желаютъ ему повиноваться.

Не успѣли еще съ достаточною силою укрѣпиться успокоительныя и экономическія мѣры, предпринятыя Годуновымъ, какъ постигло Московское государство новое бѣдствіе. На Днѣпрѣ появился самозванецъ Лжедимитрій, который среди обездоленнаго, мятежнаго и бродячаго населенія южной Россіи сталъ собирать войско, чтобы двинуться на Москву. Самъ ли самозванецъ, или руководившіе имъ люди задались такимъ планомъ: изъ Васильева главныя силы самозванца должны были дринуться черезъ Днѣпръ подъ Кіевомъ, а отряды Донскихъ казаковъ, не умѣвшіе соединиться съ самозванцемъ, пойдутъ въ Московское государство восточнѣе, степными дорогами. Такимъ образомъ казаки состав-

ляли самостоятельный отрядъ. Самозванецъ почти безпрепятственно прошелъ до Чернигова; здѣсь и въ другихъ попутныхъ городахъ онъ не встрѣчалъ сопротивленія со стороны стрѣльцовъ, которые въ Черниговѣ и себя и городъ передали самозванцу.

Съ этихъ поръ, т. е. со времени появленія самозванца, Московская смута окончательно переходитъ изъ государева двора въ массы войскъ и, мало по малу теряя свой династическій характеръ, начинаетъ превращаться въ соціальное движеніе. Вообще дѣлятся на два лагеря высшихъ начальниковъ, стоящихъ за власть и стрѣльцовъ, недовольныхъ властью, создавшей ихъ не выносимое положеніе гарнизона на порубежьѣ государства.

При описаніи этого нашествія самозванца, профессоръ обратилъ вниманіе на слѣдующіе факты: что Борисъ въ появленіи самозванца видѣлъ козни бояръ направленныя противъ него, но его подозрѣнія не касались бояръ,

великой породы, а преслѣдовали тѣ роды, которые онъ подвергъ опалѣ и ссылкѣ. Иначе вышло бы большое противорѣчіе въ дѣйствіяхъ Бориса противъ самозванца: подозрѣвая бояръ въ козняхъ, Годуновъ безъ опасенія вручаетъ имъ отряды своихъ войскъ и не боится, что они могутъ стакнуться съ самозванцемъ. Можно съ увѣренностью сказать, что кругъ Шуйскихъ и Голицыныхъ, обыкновенно обвиняемыхъ въ появленіи самозванца, былъ совершенно не причастенъ къ этому дѣлу. Вообще бояре, имѣвшіе вѣсъ и значеніе, очевидно въ началѣ войны съ самозванцемъ не рѣшили, что слѣдуетъ имъ предпринять и какъ держаться въ борьбѣ за нелюбимаго ими царя съ невѣдомымъ царевичемъ. Смерть Бориса положила конецъ этимъ колебаніямъ и нерѣшительности князей-бояръ.

Вступившій послѣ Бориса на престолъ Московскій, сынъ его Ѳедоръ, вѣроятно изъ осторожности, отозвалъ отъ войска бояръ Мстиславскаго и Шуйскаго, но эти перемѣщенія послужили

ко вреду Годуновымъ. Москва была за Шуйскаго, который, какъ очевидецъ, разсказывалъ о чудесномъ спасеніи царевича Дмитрія и Шуйскій, въ числѣ прочихъ бояръ, выѣхалъ изъ Москвы на встрѣчу новому царю Дмитрію, билъ ему челомъ, а по возвращеніи въ Москву приводилъ народъ къ присягѣ новому монарху. Князья В. Голицинъ, П. Басмановъ и Салтыковъ увлекли войска на сторону самозванца.

Со смертью Бориса Московскій дворъ, въ его лицѣ, потерялъ послѣдняго представителя того кружка бояръ, который по смерти Грознаго могъ предъявлять притязанія къ Годунову.

Соперники покойнаго царя, Никита Романовъ, Ѳедоръ Мстиславскій, Бѣльскій, «великій князь всея Руси» Семеонъ, Дьякъ Андрей Щелкаловъ сошли уже съ политической арены: одни изъ нихъ умерли, а другіе были въ ссылкѣ, Шуйскіе почитались первыми изъ «принцевъ крови въ Москвѣ». Вотъ почему Москва шла за Шуйскимъ, который былъ

признанъ «освященнымъ соборомъ», «по родству братомъ» покойному царю Ѳеодору Ивановичу. Итакъ, когда самозванецъ былъ подъ Москвой, то успѣхъ его былъ обезпеченъ и войсками и самой столицей. Кромѣ того есть масса указаній, что даже провинція въ разныхъ углахъ Россіи, довѣряя своимъ вожакамъ, выражала живѣйшее удовольствіе успѣхамъ самозванца. Вотчиники Рязани выступаютъ массою, цѣлыми городами, въ поле противъ Годуновыхъ; подъ кромами дѣти боярскіе вяжутъ бояръ-воеводъ и присягаютъ царю Дмитрію Ивановичу. Всѣ эти явленія заставляютъ предполагать, что состояніе умовъ въ войскѣ было такъ смутно, настроеніе такъ неопредѣленно, среди ратныхъ людей обращались такіе противорѣчивые слухи, что достаточно было одного рѣшительнаго толчка, чтобы вся масса направилась по одному, данному ей направленію. Такъ верхъ и низъ Московскаго населенія произвели переворотъ 1-го Іюня.

Борьба была окончена и само-

званецъ былъ признанъ царевичемъ, чтобы свергнуть Годуновыхъ.

Но какъ скоро Годуновыхъ не стало, миновалась необходимость и въ службѣ самозванцу. Служить ему было тяжело уже потому, что новый царь не привлекалъ къ себѣ своимъ обращеніемъ. Послѣ публичнаго оскорбленія бояръ допущеніемъ къ цѣлованію руки послѣ казаковъ, самозванецъ призвалъ къ себѣ бояръ и самъ ихъ бранилъ, а нѣкоторыхъ отправилъ въ тюрьму. Конечно не Воротынскому, Шуйскому и Голицинымъ было терпѣть такое обхожденіе отъ какого то проходимца. Особенно раздраженными и нетерпѣливыми оказались Шуйскіе; ихъ положеніе при новомъ государѣ было весьма двусмысленно. Самозванецъ не могъ довѣрять имъ и оставлялъ въ сторонѣ, тогда какъ меньшіе ихъ бояре пользовались и довѣріемъ и милостями и почетомъ самозванца. Шуйскіе, очертя голову, бросились въ агитацію, возбуждая населеніе столицы противъ царя. Въ отвѣтъ

на эти агитаціи послѣдовали пытки и казни. Въ то время, какъ великій государь не всѣхъ одинаково жаловалъ своими милостями, Московскіе люди увидѣли, что онъ ухаживалъ за тѣми, кого Москва не любила и боялась. Тѣ опальные бояре, отъ которыхъ терпѣли во вторую половину XVI вѣка всѣ Московскіе княжата, возвращались изъ ссылки и возрождались съ новымъ успѣхомъ. Легко понять, что должны были испытывать убѣжденные представители, князья боярскихъ традицій, при такомъ возрожденіи «аристократіи временъ опричины». Въ эту новую опричину явились не великородные князья, но люди нисшаго слоя, какъ напримѣръ дьяки Власьевъ, Ступовъ, дворянинъ Молчановъ, думный дворянинъ Микулинъ и др. Самозванецъ кажется и самъ, чувствуя, что долженъ быть осторожнѣе съ родовитымъ дворянствомъ, отъ котораго онъ сталъ такъ далеко, пытался породнить своихъ родственниковъ и друзей съ вельможами, но безуспѣшно. Съ возвращеніемъ изъ ссылки

Шуйскаго, голова котораго была уже на плахѣ, но помилована, немедленно явились новыя попытки со стороны бояръ-князей избавиться отъ самозванца. Шуйскіе и Голицины послали Ив. Безобразова къ польскому королю Сигизмунду съ тайными рѣчами о свержении самозванца. Къ этому недовольству князей прибавилось еще и недовольство духовенства, признавшаго его еретикомъ, особенно послѣ распоряженія самозванца объ отобраніи отъ монастырей въ казну нѣкоторой части церковныхъ земель и капиталовъ.

Такимъ образомъ рядъ неудовольствій, вызванныхъ новымъ царемъ въ различныхъ слояхъ общества, снова возмущалъ страсти Московскихъ людей, снова влекъ государство къ смутѣ. Необходимъ былъ руководитель, который сплотилъ бы недовольныхъ и организовалъ возстаніе. Эту роль принялъ на себя В. И. Шуйскій. На призывъ Шуйскаго откликнулась не только Москва, но и иногородцы. Есть указаніе, что въ возстаніи противъ самоз-

ванца приняли участіе дѣти боярскія Новгородскія и Псковскія, которыя сыграли въ возстаніи дѣятельную роль.

Словомъ въ этомъ новомъ переворотѣ войско является рѣшающей силой, отъ которой зависитъ, кому отдать власть надъ страною. 17-го Мая 1606 года 200 бояръ и дворянъ ворвались въ кремль и кинулись во дворецъ. Пущенный слухъ, что паны рѣжутъ бояръ, собралъ массы народа, изъ котораго одна часть кинулась въ кремль на выручку, а другая направилась на тѣ дома въ городѣ, въ которыхъ жили поляки. Когда самозванецъ былъ убитъ, князья Шуйскіе, Мстиславскій, Голицины, бояре Романовъ, Шереметевъ и др. появились на улицахъ для водворенія порядка. Они разогнали толпы буяновъ, прекращали уличные безпорядки, ставили отряды стрѣльцовъ для охраны къ домамъ поляковъ и вообще приняли на себя роль временнаго правительства. Ихъ слушались стрѣлецкія войска; подъ ихъ руководствомъ стала дѣйствовать администрація.

Черезъ 2 дня послѣ смерти царя Дмитрія, изъ среды боярскаго правительства избранъ былъ въ цари Василій Ивановичъ Шуйскій.

Возведенный на престолъ небольшимъ кружкомъ бояръ-княжатъ, царь Василій Ивановичъ Шуйскій, тяготѣвшій, быть можетъ по неволѣ, къ старой аристократіи, скоро потерялъ свой престижъ въ средѣ высшаго служилаго люда, дурно поставилъ себя въ отношеніи прочей Московской знати, да и остальные служилые люди Московскаго государства, потерявшіе надежду видѣть въ немъ «печальника», скоро охладѣли къ новому избраннику. Царь Василій, охотно пользовавшійся толпой для цѣли его избранія, по воцареніи сталъ лицомъ къ лицу съ народною массою, которая еще бродила и была опасна еще и тѣмъ, что сознала свою силу, получила привычку къ возмущенію и, расчитывая на безнаказанность, была согласна, по выраженію Маржерсты, еженедѣльно мѣнять государя въ надеждѣ на грабежъ.

Это настроеніе толпы не замедлило обнаружиться. Но кажется ни окружающіе царя люди, ни самъ царь Василій не прислушивались, въ шумѣ народнаго броженія за царя Дмитрія, къ разнороднымъ мотивамъ общественнаго недовольства и не сразу поняли, съ чѣмъ они имѣютъ дѣло.

Можно удивляться тому, какъ быстро и дружно возстали южные города противъ царя Василія. Возстаніе скоро распространилось и на Рязань, на область мордвы, на Волгу, Вятку и Каму и передалось даже въ Астрахань. Въ то же время произошло замѣшательство на западѣ въ Новогородскихъ, Тверскихъ и Псковскихъ мѣстахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ столь отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ движеніе имѣло разный характеръ, преслѣдовало различныя цѣли, увлекало въ борьбу не одни и тѣ же общественные слои, но для правительства Московскаго всѣ эти движенія представляли собою продолженіе смуты. На украинѣ въ 1606 году

возстали противъ правительства Шуйскаго тѣ же самые люди, которые раньше дѣйствовали противъ Годуновыхъ. Предводительство этой массою возставшихъ принялъ на себя «большой воевода» Иванъ Болотниковъ. Все движеніе это было произведено въ томъ же порядкѣ, какъ и при самозванцѣ. Но при этомъ заслуживаетъ интереса впервые появившаяся на Руси цѣль возстанія: Болотниковъ хотѣлъ произвести не только политическій, но и общественный переворотъ. Въ «воровскихъ письмахъ», которыя разсылались изъ стана Болотникова въ Москву и по другимъ городамъ, внушались дворнѣ, дѣтямъ боярскимъ и всякой черни, «всякія злыя дѣла на убіеніе и на грабежъ».

Мятежники велятъ холопамъ убивать своихъ бояръ и отбирать отъ нихъ себѣ вотчины, грабить и убивать купцовъ и обѣщаютъ за это жаловать «воровъ» боярствомъ, воеводствомъ, окольничествомъ и дьячествомъ. Это былъ первый призывъ противъ представителей земельнаго и тор-

говаго капиталовъ и имъ легко увлеклись люди, страдавшіе отъ тогдашняго имущественнаго строя.

Иной оттѣнокъ имѣло движеніе противъ царя Василія въ земляхъ Рязанскихъ. За помощь, оказанную Рязанцами самозванцу при вступленіи его на престолъ, служилые люди этихъ мѣстъ получили отъ царя Дмитрія чрезвычайную милость: «верстати всѣ городы помѣстными оклады и денежными оклады». Словомъ эти служилые люди получили отъ самозванца какъ бы экстренную награду. Весьма возможно, что уже по одной этой причинѣ извѣстіе о внезапной смерти царя Дмитрія произвело дурное впечатленіе на всѣхъ дѣтей боярскихъ.

Еще ранѣе похода Болотникова къ Москвѣ, на юго-восточной окраинѣ государства началось любопытнѣйшее движеніе опять-таки особаго склада. Оно было вызвано появленіемъ самозванца, пришедшаго на Волжскія низовья съ Терска. Этотъ самозванецъ принялъ имя не

Дмитрія, а Петра и связалъ свою исторію не съ Углицкимъ дѣломъ, а съ сокрытіемъ отъ Годунова сына царевича Ѳедора Ивановича—Петра Ѳедоровича.

Въ 1608 году, какъ извѣстно по обличительному списку Тушинскаго вора своихъ соперниковъ, самозванцевъ явилось много: царевичъ Августъ, князь Иванъ, царевичъ Лаврентій, второй царевичъ Петръ, царевичъ Ѳедоръ, царевичъ Клементій, Савелій, Семеонъ, Василій, Ерошка, Гаврилка и Мартынка. Успѣхъ перваго самозванца вскружилъ головы многимъ и вызвалъ массу подражаній.

Всего сложнѣе и запутаннѣе представляются общественныя отношенія изучаемаго періода въ Псковѣ. Во время своей борьбы съ Болотниковымъ, Шуйскій послалъ въ Псковъ «прошать денегъ съ гостей» въ заемъ, «кто сколько порадѣетъ царю Василію». Псковскіе гости, воспользовавшись этимъ прошеніемъ царя, сдѣлали изъ добровольнаго принудительный сборъ и стали

собирать деньги «съ большихъ и съ меньшихъ и со вдовицъ по раскладу». Это возбудило со стороны мелкихъ людей неудовольствія и споры. Тѣмъ не менѣе гости собрали 900 руб. и послали царю Василію съ тѣми людьми, которые говорили противъ гостей и противъ расклада на сиротъ и вдовицъ. Вслѣдъ за этими пятью посланцами Псковскіе гости отправили доносъ къ царю, въ которомъ говорилось, что «мы тебѣ гости Псковскіе радѣемъ, а сіи пять человѣкъ тебѣ, Государю, добра не хотятъ и мелкіе люди казны тебѣ не дали».

Этому доносу въ Москвѣ дали вѣру и посланцы миновали казни лишь благодаря заступничеству Псковскихъ стрѣльцовъ, бывшихъ на службѣ въ Москвѣ противъ «вора». Когда объ этомъ донесѣ узнали во Псковѣ, то всѣ горожане возстали на доносчиковъ и требовали, чтобы воевода князь П. Шереметевъ посадилъ въ тюрьму семь человѣкъ Псковскихъ гостей. Съ того времени, говоритъ лѣтописецъ, въ Псковѣ началъ господствовать

развратъ и насиліе: меньшіе враждовали противъ большихъ и обратно. Воевода Шереметевъ, принявъ сторону богатыхъ гостей, выслѣдилъ 70 вожаковъ изъ мелкаго Псковскаго люда и послалъ въ Москву донесеніе съ обвиненіемъ ихъ въ измѣнѣ. Псковъ ждалъ казней отъ Василія; появившіеся послѣ пораженія подъ Болховымъ Псковскіе стрѣльцы въ 1608 году принесли отъ «вора» грамоту, писанную «мудрымъ слогомъ зѣло» и стали выхвалять доброту, силу и «воинскую хитрость» вора, который отпустилъ ихъ съ ласкою. Это сообщеніе, за которое стрѣлецкій сотникъ и голова были отправлены въ тюрьму, взволновало Псковъ.

Мелкіе люди, вспоминая недавнее ожиданіе казней отъ царя Василія и сопоставляя его съ милостивымъ Дмитріемъ, обласкавшимъ стрѣльцовъ, конечно предпочитали послѣдняго. Настроеніе толпы было такъ смутно, что Шереметевъ не разъ задумывался о серьезномъ положеніи дѣлъ въ воеводствѣ; а «большіе люди», боясь черни, совсѣмъ

уклонялись отъ общественныхъ дѣлъ. Лѣтомъ 1608 года появились подъ Псковомъ отряды тушинцевъ; пригороды Пскова подчинились тушинцу Ѳедору Плещееву и цѣловали крестъ вору. Крестьяне приходили въ Псковъ подъ защиту воеводы Шереметева, который, вмѣсто того, чтобы воспользоваться благопріятнымъ моментомъ для твердаго противодѣйствія возникавшему настроенію измѣны, началъ вести двойственную политику.

Будучи самъ изъ партіи противниковъ Шуйскаго и участникомъ когда-то въ заговорѣ противъ этого государя, Шереметевъ приказывалъ окрестнымъ крестьянамъ присягать «вору», а затѣмъ грабилъ и истязалъ ихъ, приговаривая, «почто, мужикъ крестъ цѣловалъ». Въ тоже время, опасаясь взрыва черни, воевода держалъ руку богатыхъ гостей, которые тяготѣли къ Василію, ожидая отъ него помощи противъ людишекъ. Такимъ образомъ Шереметевъ оказывался на сторонѣ Дмитрія, но противъ его приверженцевъ; держался въ Псковѣ

партіи Шуйскаго, но самъ шелъ противъ царя. Эта двуличность поведенія воеводы ясно указывала мелкимъ людямъ, что разъ только Шереметевъ получитъ обѣщанную ему Новогородцами помощь отъ дѣтей боярскихъ и нѣмцевъ, то онъ не будетъ къ нимъ милостивъ.

Когда 1 сентября 1608 г. было получено извѣстіе, что тушинцы стоятъ уже на р. Великой, то Псковъ возмутился. Народная масса не хотѣла ни впускать тушинцевъ въ городъ, ни садиться въ осаду. Между тѣмъ, среди этой сумятицы, кто-то безъ всякаго вѣдома открылъ ворота Пскова и Плещеевъ съ отрядомъ тушинцевъ проникъ въ городъ. Хотя отрядъ этотъ, по заявленію лѣтописца, состоялъ изъ людишекъ худыхъ, стрѣльцовъ, подымщины, да немногихъ ратныхъ людей, но тѣмъ не менѣе Псковичи приняли его, а 2-го сентября цѣловали вору крестъ.

Изъ Тушина, по полученіи сообщенія о занятіи Пскова, были присланы новые воеводы и сбор-

щикъ, который много забралъ Псковской казны. Тушино требовало денегъ и людей и Псковъ покорно служилъ новому царю.

Во всѣхъ этихъ, повидимому разнородныхъ, движеніяхъ народныхъ массъ и въ южныхъ городахъ, въ Рязани и въ Псковѣ, преслѣдующихъ разныя цѣли, усматриваются одни общія причины: недовольство общественнымъ строемъ и полнымъ упадкомъ экономическаго благосостоянія въ государствѣ.

Въ движеніи Болотникова ясно сказывается соціальный характеръ этого явленія, возникшаго по почину низшихъ слоевъ войска, и раздѣльніе самаго войска на враждебные сословные круги. Въ то время, какъ высшіе слои войска стремятся поддержать Шуйскаго, низшіе примыкаютъ къ тушинскому вору, какъ къ вожаку отдѣльной общественной группы.

Когда эта борьба двухъ разныхъ слоевъ въ войскѣ готовилась уже кончиться, явилось новое осложненіе, въ видѣ вмѣшательства въ дѣла Россіи сосѣдей

Польши и Щвеціи. Въ Москвѣ создалась польская диктатура, которая, хотя и прекратила внутреннія междоусобія, но сама могла держаться лишь при условіи окупаціи столицы. Но эта диктатура способствовала подготовкѣ важнаго перелома въ общественномъ сознаніи. Народныя группы, враждовавшія между собой, при видѣ иноземнаго господства, соединились въ ополченіе вокругъ Ляпунова.

Послѣдовавшая попытка создать общее земское правительство свергнула польское господство, но сама оказалась неудачной, вслѣдствіе новой слѣпой вражды партій, и обострила еще сильнѣе существующую между ними рознь. Такимъ образомъ Москва и вся Россія, не желая подчиниться королевской и казацкой власти, не имѣли въ сущности никакой. Только съ 1611 года сложилась уже общая программа дѣйствій: консервативные слои общества были, призывались на помощь государству и въ самомъ обществѣ появилась болѣе сознательная идея о національ-

ности, завершившаяся избраніемъ въ 1613 году на царство Михаила Ѳедоровича Романова.

Заканчивая на этомъ лекцію, профессоръ заявилъ: все выше сказанное приводитъ насъ къ убѣжденію, что не Польская интрига, не домогательство папъ, а чисто внутреннія соціально-экономическія причины привели въ половинѣ XVI-го вѣка Россію къ экономическому кризису послѣ смерти Ивана Грознаго и къ общей смутѣ послѣ смерти Годунова.

Въ книжномъ магазинѣ Т-ва „Трудъ и Знаніе“ въ г. Псковѣ находятся на складѣ слѣдующія изданія:

ПСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію (осада Пскова). Переводъ съ польскаго дѣйств. члена Псковскаго Археологическаго Общества О. Н. Милевскаго . . . . 2 р.

Описаніе и изображеніе древностей Псковской губ. въ 3-хъ выпускахъ Инженеръ-полковника И. О. Годовикова . . . 1 р.

Отдѣльно третій вып. . 30 к.

Библіографическій указатель статей, относящихся къ Псковской губерніи, 1891 года И. И. Василева . . . . . 50 к.

Лѣтописное разъясненіе о Владычнихъ палатахъ въ Псковѣ, построенныхъ Архіепископомъ Новгородскимъ и Псковскимъ Макаріемъ . . . . . 35 к.

Историко-Археологическій очеркъ Псковоградскаго Георгіевскаго со взвоза храма А. Березскаго . . . . . 35 к.

Погостъ Любятово, Г. Лебедева . . . . . 10 к.

Псковъ (изъ дорожныхъ замѣтокъ). М. Погодина . . . 10 к.

Воспоминаніе объ осадѣ Пскова Польскимъ Королемъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 г. 10 к.

Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Псковскаго Археологическаго Общества 8 сентября 1881 г. дѣйств. чл. С. В. Кохомскимъ въ воспоминаніе славной обороны г. Пскова отъ войскъ Стефана Баторія въ 1581 г. . 10 к.

Объ осадѣ города Пскова Польскимъ Королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Разсказъ С. А. Хорошавина . . . . . 10 к.

Уставъ Псковскаго Археологическаго Общества . . . 10 к.

Планъ мѣстности Пскова. 5 к.

Видъ Пскова во время осады города Стефаномъ Баторіемъ . . . . . 5 к.

Снятогорскій монастырь, И. Ф. Токмакова . . . . . 20 к.

Евлентьевъ — Палата Поганкина въ Псковѣ . . . . . 25 к.

Празднованіе 700-лѣтія св. Гавріила Псковскаго . . 50 к.

Василевъ — Археологическій указатель г. Пскова и окрестностей . . . . . 1 р.

Видъ Кремля въ Псковѣ (фототипія) . . . . . 30 к.

РАЗНЫЯ ИЗДАНІЯ:

Планъ г. Пскова, сост. инж. Езеровскимъ . . . . . 2 р.

Описаніе Свято-Горскаго монастыря . . . . . 75 к.

Краткое описаніе Свято-Горскаго монастыря . . . . 15 к.

Альбомъ видовъ Свято-Горскаго монастыря . . . . 2 р.

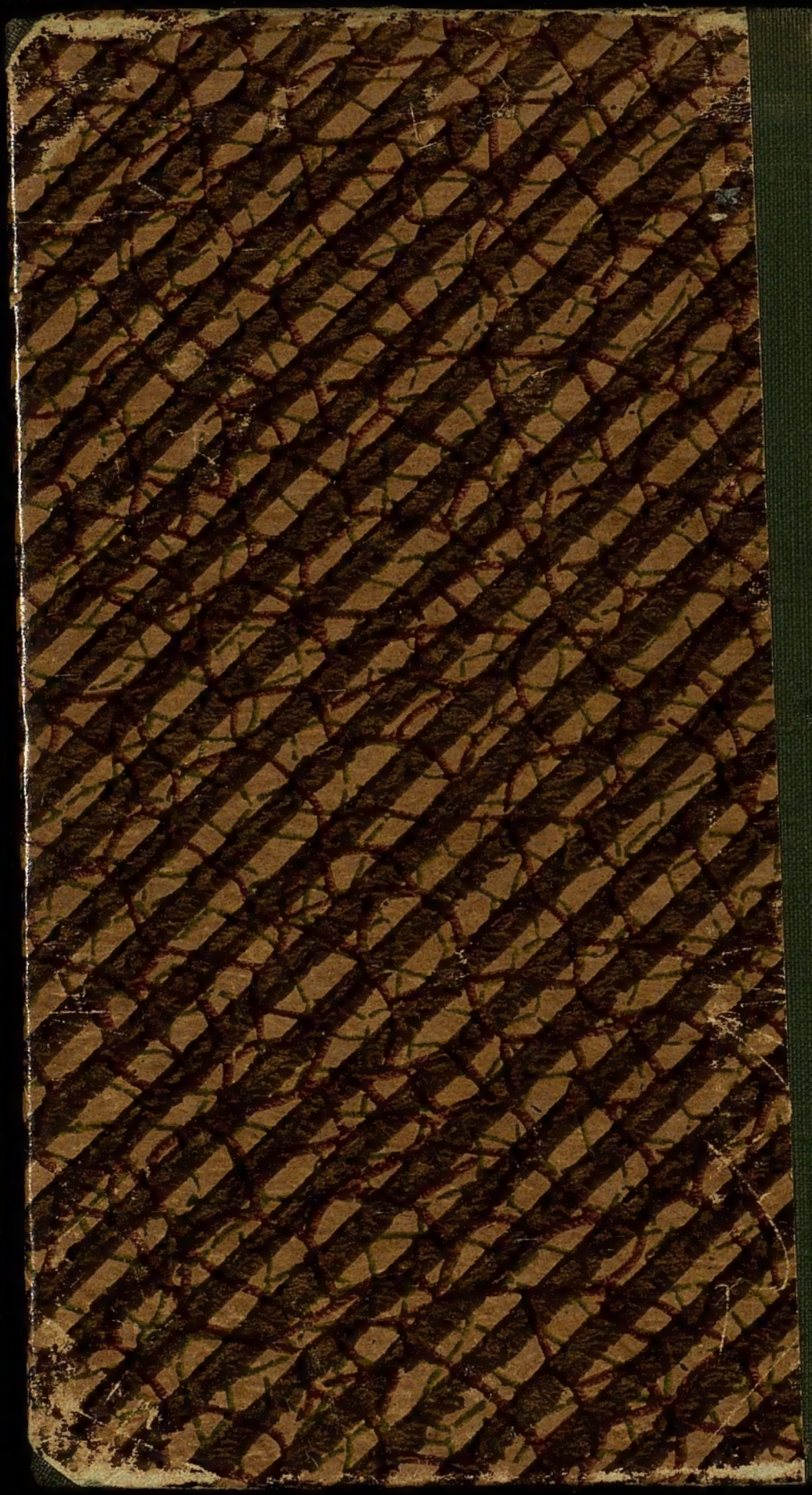
Путеводитель по г. Пскову и его окрестностямъ . . . 50 к.

Фотографическіе виды г. Пскова и его окрестностей (до 80-ти разныхъ видовъ, коллекція постоянно пополняется) отъ. 30 к.

Слѣды пребыванія Александра Сергѣевича Пушкина въ Псковской губ., И. И. Василева . 50 к.

Книжка и календарь для преподающихъ въ учебныхъ заведеніяхъ въ переплетѣ . . . 75 к.

Открытыя письма (фотографическіе снимки) съ видами гор. Пскова . . . . . по 10 к.

Книжнымъ магазинамъ уступка.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ
Т-ва „Трудъ и Знаніе“ въ Псковѣ.